

ПРОВЕРЕНО

О ПОДГОТОВКѢ

УЧИТЕЛЕЙ МОЛОДЫХЪ СОЛДАТЪ

(ПРАКТИЧЕСКІЕ СОВѢТЫ КОМАНДИРА РОТЫ).

4-е издание

Соч. Ник. БУТОВСКАГО.

Фундаментальная
Библиотека
Военно-Инженерной Академии
Р.К.К.А.

0-5893.

1957 г.

БИБЛИОТЕКА
КОЛОДЦЕВОЙ
ИНЖЕНЕРНОЙ АКАДЕМИИ
И
УЧИЛИЩА

Цѣна 40 к. съ перес. 50 к.

Складъ изданія у В. А. БЕРЕЗОВСКАГО
КОМИССИОНЕРА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.
С.-Петербургъ, Колокольная улица, домъ № 14.
1902.

И

выправкѣ. Когда же мы стали заставлять учителей отыскивать эти неправильности на *примѣрномъ ученикѣ*, употребляя способъ, изложенный въ этой книжкѣ, то получали людей съ твердо намѣтаннымъ глазомъ, которые сразу схватывали недостатки всей выправки солдатской и знали порядокъ поправки.

Вслѣдствіе вышеизложеннаго мы находимъ необходимымъ соединять бесѣды объ учительскомъ дѣлѣ съ практикой на *примѣрномъ ученикѣ*. Весьма желательно, чтобы въ роли примѣрнаго ученика являлся *недоученный солдатъ* прошлагодняго набора, который по складу своей выправки будетъ близко подходить къ новобранцу; но если такого солдата нѣтъ, мы допускаемъ и взаимное обученіе.

Вообще же учителя, не имѣвшаго предварительной практики, т. е. неловкаго и грубаго, хотя и умѣющаго болтать, мы считаемъ опаснымъ допускать къ новобранцу. Такой учитель—несомнѣнное зло въ нашей арміи, и именно онъ служитъ начальной причиной болѣзненности и забитости новобранцевъ ¹⁾.

Быть можетъ, найдутся дѣятели, умѣющіе готовить хорошихъ учителей, не давая имъ предварительной азбучной практики (хотя мы въ этомъ сомнѣваемся, ибо офицеру трудно толковать азбучные приемы, стоя за спиной у шестерыхъ неучей); но и тогда *наглядный методъ обученія*, представленный въ нашей книжкѣ, останется одинъ и тотъ же. Что же касается дѣятелей, которые вмѣсто такого метода предпочитаютъ прописывать новобранцамъ большія дозы голой «словесности», то о нихъ можно только сказать, что ихъ уже немного осталось въ нашей арміи.

Ник. Бутовскій.

¹⁾ См. статью: «О болѣзненности въ войскахъ» во 2-мъ томѣ книжки, «О способахъ обученія и воспитанія современнаго солдата».

О ПОДГОТОВКѢ УЧИТЕЛЕЙ МОЛОДЫХЪ СОЛДАТЪ.

(Практическіе совѣты командира роты).

На воспитаніе и выучку молодыхъ солдатъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на одно изъ главнѣйшихъ основаній всего нашего дѣла. Дурная постановка этихъ важнѣйшихъ занятій даетъ въ результатъ недоученнаго, дурно направленнаго, забитаго, а иногда и болѣзненнаго солдата, который причиняетъ начальнику огромныя затрудненія и безпокойства на ротномъ ученьи, на стрѣльбѣ, на всѣхъ занятіяхъ въ полѣ, на инспекторскихъ смотрахъ, а также при отправленіи гарнизонной, внутренней и всякой другой службы. Въ виду такой важности начальной солдатской школы, ей отдаются лучшія воспитательныя средства изъ имѣющихся въ распоряженіи ротнаго командира; много трудовъ вкладутъ на это дѣло: самъ ротный командиръ, младшій офицеръ, лучшій изъ взводныхъ унтеръ-офицеровъ (старшій учитель) и лучшіе изъ отдѣльныхъ начальниковъ (младшіе учителя).

Вся постановка занятій съ новобранцами, конечно, зависитъ отъ офицеровъ, которые распредѣляютъ учебное время и выбираютъ тотъ или другой методъ; но напрасно многіе неопытные начальники не признаютъ за учителями изъ нижнихъ чиновъ ихъ настоящей педагогической величины, въ смыслѣ огромнаго вліянія на молодыхъ солдатъ, какъ по

воспитанію, такъ и по обученію. Такъ, напримѣръ: внушеніе молодому солдату его долга, виѣдреніе обязанностей во внутренней, караульной и всякой другой службѣ возлагаются на офицера, даже по возможности на ротнаго командира; но офицеръ не проводитъ цѣлыя сутки въ своемъ интернатѣ, а потому бросаема имъ нравственные сѣмена не дадутъ желаемыхъ плодовъ, если не получаютъ постояннаго, ежеминутнаго питанія отъ ближайшихъ начальниковъ, которые рядомъ съ новобранцемъ живутъ, т. е. спятъ, обѣдаютъ, работаютъ, ходятъ со двора, въ баню и т. д., и конечно являются постоянными разрѣшителями тѣхъ безчисленныхъ и мельчайшихъ вопросовъ казарменной жизни и службы, изъ которыхъ складывается весь строй понятій и привычекъ молодого солдата. Наученные опытомъ, мы придаемъ въ этомъ смыслѣ огромное значеніе учителямъ изъ нижнихъ чиновъ, и полагаемъ, что они должны быть не только нравственными, но и систематически подготовленными, чтобы явиться надежными и умѣлыми совѣтниками своихъ молодыхъ и крайне восприимчивыхъ учениковъ. Словомъ,—виѣдреніе обязанностей и развитіе въ молодомъ солдатѣ находчивости по отношенію ко всѣмъ случаямъ, представляемымъ безконечнымъ разнообразіемъ служебной обстановки, лежитъ на офицерѣ, по возможности опытномъ; но дядьки должны быть настолько нравственными, чтобы не разрушать въ молодомъ солдатѣ добрыхъ началъ, вложенныхъ офицеромъ, и настолько развитыми, чтобы умѣть подсказывать ненаходчивому человѣку въ отсутствіи офицера. Что же касается другой стороны службы, а именно—обрйда, то это дѣло всецѣло принадлежитъ имъ.

Такое же значеніе учителя имѣютъ и по военному образованію. Всякія попытки возложить на офицера непосредственное преподаваніе каждому отдѣльно взятому новобранцу мельчайшихъ правилъ, касающихся гимнастики, фехтованья,

строевой выправки и т. д., не приводили къ желаемымъ результатамъ и всегда представлялись намъ затѣйливой фантазіей неопытныхъ начальниковъ, которые не понимаютъ сущности дѣла, ибо никогда сами не обучали новобранцевъ и не подготовляли учителей. Лица, задающіяся такой идеей, забываютъ простой ариѳметическій расчетъ, а именно: опытъ показалъ, что одинъ учитель можетъ обучить въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ 5—7 человѣкъ; а такъ какъ въ ротѣ не шесть офицеровъ, а только одинъ или самое большее—два, то не трудно рассчитать, сколько имъ потребуется времени для выучки 30-ти человѣкъ, принимая во вниманіе, что первоначальное преподаваніе ведется поодиночкѣ.

Словомъ, учитель изъ нижнихъ чиновъ имѣетъ большое значеніе въ организаціи обученія и воспитанія новобранцевъ; и потому намъ надлежитъ выяснить: въ чемъ заключается его дѣйствительная подготовка, которую мы сами практиковали, а также наблюдали въ частяхъ войскъ, отличающихся замѣчательными успѣхами по обученію новобранцевъ.

Хорошій учитель изъ нижнихъ чиновъ долженъ обладать слѣдующими достоинствами: 1) нравственностью, 2) запасомъ служебныхъ познаній и 3) умѣнемъ передать эти познанія ученикамъ. Нравственность является продуктомъ общаго воспитанія въ ротѣ, которое въ послѣднее время значительно повысилось; запасъ служебныхъ познаній приобрѣтается какъ въ ротѣ, такъ и въ учебной командѣ, и большею частью бываетъ удовлетворительнымъ ¹⁾.

¹⁾ О постепенномъ воспитаніи и образованіи людей, намѣченныхъ въ учителя съ перваго года ихъ службы, мы подробно высказались въ книгѣ: «О способахъ обученія и воспитанія современнаго солдата», томы I и II. Въ настоящей замѣткѣ мы имѣемъ въ виду говорить только о специальныхъ занятіяхъ съ учителями передъ прибытіемъ новобранцевъ.

Что же касается третьего достоинства, которое, для краткости, назовем „искусством учителя“, то, къ сожалѣнію, въ большинствѣ войсковыхъ частей оно до сихъ поръ находится, можно сказать, въ зачаточномъ состояніи. При всемъ знаніи уставныхъ правилъ, наши учителя почти не обучаются передачѣ этихъ правилъ ученику, если не считать той незначительной практики, гдѣ ихъ учатъ командовать гимнастику, фехтованье, ружейные приемы и т. д., и гдѣ имъ приходится поправлять незначительныя ошибки своихъ товарищей. Настоящую практику или, такъ сказать, выработку приемовъ обученія наши учителя получаютъ уже прямо на дѣлѣ, т. е. при обученіи новобранцевъ, которые выносятъ на своихъ плечахъ все неумѣнье учителя, обыкновенно сопровождаемое раздраженіемъ и постоянными жалобами на мнимую лѣность и непонятливость ученика.

Чтобы видѣть всю серьезность такого недостатка учителей, приведемъ наглядный примѣръ. Положимъ, двѣ роты представляются на инспекторскомъ смотру: 1-я рота — представляется безукоризненно; во 2-й ротѣ замѣчаются вялость, забитость и коренные недостатки въ одиночной выстрѣлѣ людей. Для всякаго опытнаго начальника совершенно ясно, что во 2-й ротѣ дурно готовятся новобранцы; но, положимъ, по справкамъ оказывается, что персоналъ начальниковъ 2-й роты нисколько не уступаетъ персоналу 1-й роты: ротный командиръ — дѣльный и заботливый; офицеры — старательны; учителя изъ нижнихъ чиновъ — нравственны и отлично знаютъ уставы. Значитъ, во 2-й ротѣ есть какая-нибудь особая причина неуспѣшнаго обученія новобранцевъ, и вотъ для изслѣдованія этой загадочной причины мы бы предложили такой способъ: вызвать изъ обѣихъ ротъ по одному учителю изъ нижнихъ чиновъ, дать каждому изъ этихъ учителей по новобранцу и заставить ихъ пройти въ нашемъ

присутствіи какой-нибудь параграфъ, положимъ, строевого устава. Тутъ для васъ откроются чрезвычайно интересныя вещи: у перваго учителя — непринужденныя манеры, свободный языкъ, вѣрный глазъ, выразительные жесты; онъ рассказываетъ просто и кратко, показываетъ наглядно, поправляетъ искусно; второй учитель обнаруживаетъ неловкость, суетливость и непременно старается выкладывать передъ новобранцемъ уставное правило въ точныхъ уставныхъ выраженіяхъ, совершенно непонятныхъ для простолюдина; покажъ у него неясенъ и неловокъ; поправка многословна и груба, и во всемъ виденъ отѣнокъ нетерпѣнія и недовольства ученикомъ. Словомъ, первый учитель тратитъ на рассказъ, показъ и поправку, положимъ, 20 минутъ; второй — бьется часъ и болѣе, и очень часто до того запутывается, что новобранецъ рѣшительно не въ состояніи понять, чего отъ него хотятъ.

Отсюда ясно, что даже при хорошемъ личномъ составѣ ротнаго начальства подготовка новобранцевъ можетъ быть весьма неудачной, если это начальство не слѣдитъ за развитіемъ войсковой школы и практикуетъ старые способы подготовки учителей, совершенно не отвѣчающіе современнымъ требованіямъ. Въ прежнее время, когда на выучку каждаго ружейнаго приема можно было тратить цѣлыя недѣли, искусство учителя мало кого интересовало; теперь же мы слышимъ отъ гг. офицеровъ постоянныя жалобы на недостатокъ учебнаго времени, на усталость и болѣзненность людей, а поэтому позволимъ себѣ спросить: у котораго изъ приведенныхъ учителей новобранецъ выучится скорѣе и меньше будетъ болѣть? Искусство учителя — вопросъ очень серьезный; въ нѣкоторыхъ частяхъ войскъ давно уже это поняли и приступили къ систематической выработкѣ приемовъ преподаванія, которая практикуется не только въ специальныхъ занятіяхъ съ учителями, но и въ учебныхъ командахъ.

Если бы кто-нибудь из высших начальников полюбил прослѣдить во многих частяхъ войскъ спеціальныя занятія съ учителями, онъ былъ бы пораженъ крайнимъ разнообразіемъ въ постановкѣ этого дѣла: такъ, на примѣръ, въ одномъ мѣстѣ онъ бы засталъ валовую „словесность“, т. е. голую репетицію уставовъ, во вкусѣ старыхъ фельдфебелей или, такъ называемыхъ, Егорычей¹⁾, для которыхъ вся сущность новой школы, съ ея индивидуальнымъ развитіемъ солдата, заключается въ зазубриваніи уставныхъ фразъ для красиваго отвѣта начальству. Въ другомъ мѣстѣ онъ увидѣлъ бы безтолковую практику, заключающуюся въ томъ, что учителей, выучившихъ наизусть порядокъ командныхъ словъ, учатъ громко командовать, точно готовятъ ихъ къ строевому ученью, тогда какъ новобранцамъ надо командовать тихо, соразмѣряя голосъ съ величиной шеренги. Въ третьемъ мѣстѣ—учителямъ, поставленнымъ въ шеренгу, очередной учитель что-то объясняетъ въ точныхъ уставныхъ (непонятныхъ для новобранца) выраженіяхъ, не прерывая рѣчи въ теченіе пяти минутъ; объяснивъ, онъ произноситъ соответствующую команду и дѣлаетъ бѣглую поправку обученнымъ людямъ,—поправку, которая въ сущности не даетъ ему никакой практики, ибо онъ долженъ учиться поправлять не верхи, а коренные недостатки... Словомъ, побывавъ во многихъ частяхъ войскъ, наблюдатель наткнулся бы на такія занятія, въ которыхъ, подъ видомъ подготовки учителей, преслѣдуется что-то другое, рутинное и иногда совершенно безцѣльное; но навѣрно нашлись бы и такія части войскъ, гдѣ наблюдатель сразу понялъ бы, что онъ находится на занятіяхъ раціональныхъ, ведущихъ прямо къ цѣли, т. е. къ выработкѣ искусства учителя.

¹⁾ См. книжку «Прежняя служба и настоящая».

Въ чемъ же заключаются эти раціональныя занятія?— Они заключаются въ томъ, что человѣку, знающему уставы, т. е. подготовленному теоретически, влагаютъ въ навыкъ выработанные опытомъ приемы обученія новобранца; это и есть настоящее ремесло учителя, которое передается ему посредствомъ примѣрнаго обученія и состоитъ главнымъ образомъ въ слѣдующемъ: 1) Учитель долженъ умѣть рассказать простымъ, понятнымъ для новобранца языкомъ всѣ уставныя правила, касающіяся слѣдующихъ предметовъ: стойка, повороты (на мѣстѣ и на ходу), ружейные приемы, шагъ, бѣгъ, вздваиваніе рядовъ, выстраиваніе по рядамъ фронта, захожденіе небольшою шеренгою, пригтовительная и практическая гимнастика, ударъ штыкомъ, пригтовительныя къ стрѣльбѣ упражненія (какъ помощникъ офицера), а также все, что касается порядка отправленія гарнизонной, внутренней, полевой и лагерной службы¹⁾). *Разсказъ* обязательно долженъ сопровождаться *показомъ*. Показъ долженъ быть ясный, наглядный и неторопливый, чтобы новобранецъ могъ усвоивать сложные приемы, *по мелкимъ раздѣленіямъ*. 2) Учитель долженъ мастерски поправлять дѣлаемые новобранцемъ сначала коренныя, а затѣмъ и мелкія ошибки. Высшая школа поправки, которою мы любуемся на ученьяхъ, производимыхъ искусными начальниками, отличается чрезвычайною опредѣленностью словъ и выразительностью жестовъ, а потому учитель долженъ въ совершенствѣ владѣть всѣми относящимися къ поправкѣ техническими выраженіями, на примѣръ: „наверни“, „разверни“, „не сваливай“, „не затягивай“, „не выставляй“, „подбери“ и т. д., и долженъ обладать не дѣланными, а свободными, вошедшими въ на-

¹⁾ Полевая, лагерная, а также и часть гарнизонной службы, какъ предметы не поддающіеся показу, относятся къ курсу для старослужащихъ.

выкъ жестами, отвѣчающими такимъ выраженіямъ. Все это пріобрѣтается учителями легко и просто—посредствомъ примѣрнаго (взаимнаго) обученія. Офицеръ самъ показываетъ, какъ преподается новобранцу каждое упражненіе, и добивается, чтобы учителя схватывали его манеры. 3) Хотя преподаваніе словесныхъ познаній лежитъ на обязанности офицера, но учителя, какъ помощники офицера, должны умѣть излагать эти познанія просто и толково, переводя уставный языкъ на простой разговорный. Въклассныя бесѣды учителей съ новобранцами имѣютъ огромное значеніе, а потому неподготовленные въ этомъ отношеніи учителя будутъ забивать молодыхъ солдатъ уставными фразами. 4) Учителя должны твердо знать тѣ ближайшія наставленія, которыя нужно дѣлать каждому прибывающему въ роту новобранцу. 5) Въ общемъ учитель долженъ имѣть понятіе о постепенности въ упражненіяхъ и о тѣхъ нравственныхъ и физическихъ условіяхъ, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ въ занятіяхъ. Обучая учителя, офицеръ требуетъ отъ него осмысленныхъ дѣйствій, основанныхъ на этихъ понятіяхъ.

Учителя готовятъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ (октябрь и ноябрь). Это собственно спеціальныя занятія съ учителями; вообще же люди, намѣченные ротнымъ командиромъ въ учителя, съ перваго года своей службы обставляются всевозможными заботами относительно воспитанія и образованія, которое они получаютъ какъ въ ротѣ, такъ и въ учебной командѣ. Нѣкоторые заботливые начальники находятъ возможнымъ собирать учителей нѣсколько раньше, давая имъ возможность отработаться на вольныхъ работахъ въ половинѣ сентября; черезъ это получается лишнихъ двѣ недѣли, что очень важно, ибо два мѣсяца для спеціальныхъ занятій съ учителями мы считаемъ временемъ крайне ограниченнымъ.

Офицеръ, завѣдующій учителями, составляетъ съ ротнымъ

командиромъ планъ занятій, распредѣляя время для слѣдующихъ предметовъ: 1) строевая выправка, 2) гимнастика, 3) фехтованье, 4) подготовительныя къ стрѣльбѣ упражненія, 5) порядокъ отправленія службы, 6) словесныя занятія и бесѣды объ основаніяхъ учебнаго дѣла¹⁾. Затѣмъ, приступая къ занятіямъ, положимъ, по строевому отдѣлу, офицеръ прямо начинается съ практики. Для показанія приемовъ обученія нуженъ ученикъ, т. е. новобранецъ, но не настоящій, которому жутко бы отъ этого пришлось, а примѣрный, котораго долженъ изображать одинъ изъ учителей, по очереди. Взаимное обученіе учителей нисколько не опасно въ хорошихъ школахъ въ смыслѣ перехода въ дрессировку; превосходные результаты, полученные уже на практикѣ во многихъ частяхъ войскъ, заставляютъ насъ держаться этого метода; но конечно гораздо лучше, если офицеръ будетъ брать, въ качествѣ учениковъ, изображающихъ молодыхъ солдатъ, *отсталыхъ людей прошлагодняго набора*. Тутъ получится двойная польза: обученіе будетъ нагляднѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ отсталые люди будутъ выучены. Положимъ, вы желаете показать приемы обученія стойкѣ. Для этого ставите обучаемого (учителя) противъ примѣрнаго ученика въ удобное для показа положеніе и заставляете его просто и толково рассказать и показать ученику все относящееся, напримѣръ, къ стойкѣ.

Положимъ, учитель началъ: „солдатъ долженъ стоять въ строю прямо, но безъ натяжки, имѣя каблуки вмѣстѣ и на одной линіи; носки должны быть развернуты на ширину затылка приклада“ и т. д. Сейчасъ же останавливаете: „за-

¹⁾ Подъ этими бесѣдами мы разумѣемъ: понятіе о свойствахъ ученика, о его нравственномъ и умственномъ развитіи, понятіе о постепенности въ упражненіяхъ, о необходимости чередованія умственнаго и физическаго труда; понятіе о томъ, что знаніе службы — одно, а желаніе и умѣнье ее исполнить — другое и т. д.

чѣмъ говоришь сразу такъ много? неужели ты думаешь, что новобранецъ тебя пойметъ?..“ Учитель начинаетъ объяснять понемногу, но употребляетъ непонятныя для новобранца выражения: „строй“, „натяжка“, „линія“ и т. д. Опять оставливаете и заставляете переводить тяжелую уставную фразу на простой разговорный языкъ; если не можетъ—помогаете. Затѣмъ учитель начинаетъ объяснять просто и понемногу, но не умѣетъ соединять рассказъ съ показомъ; опять оставливаете и заставляете каждую мелочь показывать. Если показъ неясенъ, то заставляете учителя становиться въ такое положеніе, чтобы новобранецъ все видѣлъ. Если учитель дѣлаетъ замѣчаніе новобранцу за невниманіе и при этомъ выказываетъ грубую манеру, непривѣтливый тонъ, повышенный голосъ, сейчасъ же разъясняете, что успѣхъ въ занятіяхъ зависитъ отъ спокойствія новобранца, что отъ грубого и строгаго обращенія онъ дѣлается робкимъ, теряется или, какъ говорятъ солдаты, опалѣвается,—и тогда уже ничего не въ состояніи будетъ понять.

Если учитель увлечется и будетъ держать ученика въ напряженномъ состояніи, положимъ, въ теченіе 15 минутъ, опять дѣлаете замѣчаніе: „Какъ ты думаешь, кто скорѣе утомляется: старый солдатъ или новобранецъ?“ — „Новобранецъ“. — „Почему?“ — „Потому что онъ не привыченъ къ такимъ занятіямъ“. — Ты вѣдь это знаешь, — отчего же не исполняешь? минутъ 10 поучилъ и дай отдохнуть“.

Во время отдыха, особенно на первыхъ порахъ, не слѣдуетъ заниматься словесными познаніями, для которыхъ назначаются особые часы: надо дать и головѣ отдохнуть; поэтому недурно, если дядьки на примѣрномъ обученіи, въ промежуткахъ между упражненіями, будутъ приучаться занимать ученика легкимъ разговоромъ, разспросами о родинѣ; даже можно допустить приличныя шутки. Такой приемъ

развеселяетъ новобранца, проясняетъ ему сознаніе и вообще примиряетъ со школой, въ которую онъ вступилъ со вздохомъ, съ затаеннымъ страхомъ передъ строгостями военной службы, которыми напугали его дома.

Итакъ, продѣлавъ все вышеизложенное, учитель заставляетъ ученика принять объясненное положеніе, снова показавъ на себѣ. Если это была стойка, то, какъ мы уже сказали, сразу всей стойки новобранцу показывать нельзя, а потому обученіе начинается съ постановки ногъ. Затѣмъ начинается поправка: это въ подготовкѣ учителей весьма трудная вещь, требующая выработки глаза, который иногда очень трудно намечивается; а потому первое время не слѣдуетъ очень строго относиться къ мелкимъ неточностямъ, но зато ходъ поправки долженъ быть усвоенъ учителемъ съ первыхъ шаговъ. Поправка должна быть коротка и ясна: всякіе лишніе разговоры должны преслѣдоваться, а жесткія замѣчанія, напримѣръ: „какой ты бабой стоишь!.. и какой изъ тебя солдатъ выйдетъ?“ и т. п. замѣчанія, до которыхъ большіе охотники наши дядьки,—въ порядочной школѣ не должны имѣть мѣста. Если новобранецъ поправляется въ первый разъ и еще не знаетъ смысла относящихся къ поправкѣ техническихъ выраженій, то вмѣстѣ съ поправкой обязательно объяснять каждое такое выраженіе. На эти объясненія не слѣдуетъ жалѣть времени, чтобы новобранецъ твердо ихъ усвоилъ, ибо при всѣхъ послѣдующихъ упражненіяхъ придется употреблять тѣ же самыя выраженія.

Для доставленія учителю практики въ поправкѣ, необходимо представить ему рядъ коренныхъ ошибокъ, которыя присущи начинающему курсъ новобранцу. Для этого, *вернувъ учителя кругомъ*, вы портите стойку примѣрнаго ученика, такъ, *чтобы учитель не видѣлъ*; затѣмъ, снова *вернувъ* его кругомъ, заставляете исправить ошибки. Кто

обучал новобранцевъ, тотъ прекрасно знаетъ общіе коренныя недостатки, свойственные невыправленному человѣку, которые всегда можно представить искусственно. Придавая въ этомъ случаѣ наибольшую цѣну развитію въ учителѣ природной сметки въ смыслѣ обращенія съ сырымъ матеріаломъ, вы тѣмъ не менѣе не оставляете безъ вниманія элементарныхъ приемовъ, выработанныхъ многолѣтней практикой¹⁾. Можно замѣтить, на примѣръ, учителю, чтобы онъ подалеже стоялъ отъ новобранца, чтобы видѣть его всего; чтобы началъ поправку не съ головы, а съ ногъ (объяснить—почему съ ногъ); чтобы ничего не пропустилъ въ поправкѣ; чтобы употреблялъ положенныя техническія выраженія и т. д.

Такихъ замѣчаній можно сдѣлать десятки, смотря по тому, насколько учитель будетъ сбиваться; но въ слѣдующихъ упражненіяхъ количество этихъ замѣчаній будетъ постепенно уменьшаться, а къ концу школы, когда всѣ главные требованія войдутъ въ привычку, вамъ придется поправлять только детали.

Весьма понятно, что всѣ эти общіе приемы, касающіеся основной техники учительскаго дѣла и отнесенные нами къ стойкѣ, имѣютъ такое же мѣсто въ ружейныхъ приемахъ, въ прикладѣ, въ гимнастикѣ, въ фехтовальныхъ приемахъ и даже въ обученіи порядку отправленія службы. Вездѣ требуется: короткий и понятный рассказъ, соединенный съ яснымъ и неторопливымъ показомъ; преподаваніе по мелкимъ раздѣленіямъ; привѣтливый тонъ обращенія съ ученикомъ; заботы о томъ, чтобы новобранецъ постепенно втягивался въ трудныя упражненія и т. д. Последнее особенно важно при обученіи бѣгу, гимнастикѣ, фехтованью, при ходьбѣ

¹⁾ Если обученіе не взаимное, т. е. новобранца изображаетъ не одинъ изъ учителей, а *отсталый человекъ прошлагодняго набора*, то дѣло значительно упрощается, ибо у такого человѣка будетъ и безъ того дурная стойка.

сомкнутою шеренгою и т. д.; гдѣ чрезмѣрное увлеченіе учителя, забывающаго давать своимъ ученикамъ отдыхи, ведетъ къ весьма вреднымъ и трудно-поправимымъ послѣдствіямъ. Команда „оправь“ должна быть вложена въ навыкъ учителю посредствомъ постоянныхъ напоминаній во время примѣрнаго обученія. Къ сожалѣнію, этого навыка часто не хватаетъ даже у офицеровъ, которые особенно увлекаются, на примѣръ, на первыхъ ротныхъ ученьяхъ, когда люди еще не втянулись въ трудность лагерной службы.

Итакъ, проводя учителя по всему курсу, слѣдуетъ обращать особенное вниманіе на школу упражненій, требующихъ большого расхода физическихъ силъ. Понятно, что человѣкъ, умѣющій преподавать строевую выправку, нисколько не затруднится показать, рассказать и поправить, на примѣръ, гимнастическое упражненіе, ибо главные приемы преподаванія одни и тѣ же; но осторожность по отношенію къ силамъ новобранца различна: въ строю слѣдуетъ соблюдать умѣренность во времени; въ гимнастикѣ—не только умѣренность во времени, но и осторожность въ силѣ движеній, такъ какъ слишкомъ сильное для неопытнаго человѣка движеніе, ведущее къ растяженію жилъ и къ ушибамъ, можетъ надолго задержать развитіе чувства увѣренности, въ которомъ мы видимъ залогъ успѣха по отношенію ко всѣмъ физическимъ упражненіямъ; человѣкъ, ставшій съ первымъ шагомъ робкимъ, неохотливымъ, никогда не будетъ хорошимъ гимнастеромъ. Поэтому учителямъ слѣдуетъ тщательно внушить, чтобы они держались раціональнаго порядка обученія гимнастикѣ и не только на урокахъ, но и въ свободное время не заставляли неопытнаго и неразвитаго физически новобранца показывать разныя рискованныя штуки на машинахъ, какъ это обыкновенно дѣлается въ казармахъ.

Порядокъ обученія какъ гимнастикѣ, такъ и фехтованью

хорошо извѣстенъ каждому офицеру, поэтому мы здѣсь не считаемъ нужнымъ его излагать; замѣтимъ только, что многіе изъ гг. офицеровъ, приступая къ гимнастикѣ на машинахъ, слишкомъ увлекаются правилами. Правила держанія корпуса, выбрасыванія рукъ и ногъ и прочее должны быть показаны сначала, но только въ общихъ чертахъ: требованіе точности въ соблюденіи этихъ правилъ, простираемое даже до правильнаго держанія пальцевъ, относится уже къ непринужденному движенію; если же вы станете строго требовать правильности съ первыхъ шаговъ, то не достигнете ни быстроты, ни ловкости. Вообще въ гимнастикѣ требуется нѣкоторая свобода, чтобы упражненія на машинахъ имѣли характеръ игры, состязанія, и были бы не принудительнымъ занятіемъ, а однимъ изъ видовъ казарменнаго развлеченія. Въ лучшихъ школахъ для гимнастики даже не назначаютъ особыхъ уроковъ, а дѣлаютъ ее во время 10-ти-минутныхъ отдыховъ между другими занятіями: новобранцы сами весело разбѣгаются по машинамъ и упражняются подъ надзоромъ учителей.

Нѣкоторыя особенности въ подготовкѣ учителей представляетъ порядокъ отправленія службъ: гарнизонной, внутренней и т. д., а именно—въ смыслѣ перевода такъ называемой „словесности“ на практику. Опытномъ дознано, что, сколько бы новобранецъ ни зубрилъ обязанности часового, дневальнаго, уволеннаго со двора и т. д., все это остается одними заученными словами, пока онъ не встрѣтится съ дѣйствительной практикой, гдѣ собственно и начинается учиться своему дѣйствительному дѣлу, обнаруживая при этомъ крайнюю сбивчивость и неловкость, за которую какъ онъ самъ, такъ и его начальство часто остаются въ отвѣтѣ. Разумная школа всегда умѣетъ устранить такую неловкость посредствомъ примѣрнаго показа всей службы на практикѣ. Зайдите въ такую школу—и вы увидите, что въ ней очень мало отводится

времени класснымъ занятіямъ: классная скамейка назначается только для грамотности, для бесѣдъ объ обязанностяхъ христіанина и воина, для объясненія отвлеченныхъ понятій и вообще для общеразвивательныхъ бесѣдъ офицера съ новобранцами; для всего же остального она въ высшей степени вредна. Съ учителями слѣдуетъ твердо пройти школу нагляднаго обученія службъ, заставить ихъ проникнуться духомъ этого обученія, чтобы отнять всякую охоту задалбливать съ новобранцемъ служебныя познанія по страницамъ. Хочешь обучить новобранца обязанностямъ часового у денежнаго ящика—поставь сундукъ, запри его, приложи печати и поставь ученика на часы. Здѣсь можешь обучить всякимъ обязанностямъ, какъ по отношенію къ сундуку, такъ и общимъ: посредствомъ разныхъ искушеній старайся выманить у ученика ружье, соблазни его деньгами, папиросой, разговоромъ съ посторонними лицами; поставь его въ такое положеніе, чтобы онъ прозѣвалъ отдать честь офицеру; займи его разговоромъ, а другого заставь незамѣтно подойти къ печатямъ; намѣревайся сдѣлать явное нападеніе на постъ; не исполняй законныхъ требованій часового, обращенныхъ къ лицу изъ публики; объяви часовому, что его постъ подвергнутъ пожару, наводненію и т. д.¹⁾ Хочешь обучить обязанностямъ дневальнаго—поставь ученика дневальнымъ, положимъ, у ротныхъ дверей, а другого заставь изображать дежурнаго, посѣтителя, чужого солдата или посторонняго человѣка, уносящаго изъ роты какую-нибудь вещь, своего солдата, идущаго въ отхожее мѣсто босымъ или безъ шинели, входящаго въ роту начальника и прочее. Когда ученикъ всюду найдется, что ему дѣлать—значить, можно сказать, что онъ дѣйстви-

¹⁾ Для избѣжанія въ этихъ случаяхъ увлеченій лучше ставить новобранца на примѣрный постъ съ отомкнутымъ штыкомъ.

тельно знает обязанности дневального, относится къ нимъ сознательно и будетъ ихъ исполнять какъ хорошій старый солдатъ, котораго ничѣмъ не собьешь. Также точно, если желаешь обучить правиламъ увольненія со двора, заставь ученика одѣться по формѣ, а другихъ заставь изображать дежурнаго, взводнаго и отдѣленнаго. Когда получить разрѣшеніе и явится кому слѣдуетъ, скажи ему, что онъ находится на улицѣ, и подвергни его примѣрнымъ встрѣчамъ съ посторонними лицами и начальствомъ: отдастъ ли кому слѣдуетъ честь и будетъ ли давать постороннему лицу дорогу? Наконецъ, сдѣлай ему въ качествѣ начальника нѣсколько замѣчаній, передай какія-нибудь приказанія и затѣмъ скажи, что онъ уже вернулся въ роту: доложить ли кому слѣдуетъ? Если не доложить—пристыди, а спутаетъ—ласково объясни, и т. д. Понятно, что цѣль этихъ занятій заключается главнымъ образомъ въ показаніи учителямъ нагляднаго метода обученія новобранцевъ; но тутъ же, между прочимъ, проверяются уставныя познанія и самихъ учителей.

Даже общія правила внутренней службы могутъ быть пройдены посредствомъ практическаго обученія. Напримѣръ, какая надобность задалбливать солдату: „вставъ утромъ, я долженъ убрать постель, вычистить мундирную одежду, пуговицы, амуницію, сапоги; починить, что есть разорваннаго; осмотрѣть и протереть ружье; умыть лицо, шею, руки“ и т. д. Какая надобность все это зазубривать, т. е. упражнять память въ ущербъ разсудку, когда все это ежедневно продѣлывается подъ наблюденіемъ дядьки, и если продѣлывается добросовѣстно, то съ первыхъ же шаговъ видѣруется новобранцу въ привычку на всю его службу. Если офицеръ хоть нѣсколько разъ потрудится раньше встать и навѣдаться въ роту, чтобы проверить добросовѣстность дядекъ относительно показанія этихъ правилъ, то это будетъ въ сто разъ полез-

нѣе, чѣмъ проверять эти свѣдѣнія въ классѣ, заставляя новобранца лишній разъ потѣть и вздыхать отъ непривычнаго напряженія памяти. Во время дѣйствительной уборки можно потребовать и словесные отвѣты, если новобранецъ что-нибудь пропуститъ сдѣлать; но эти отвѣты не будутъ голыми, ибо будутъ соединены съ показомъ на практикѣ.

Вообще всѣмъ правиламъ внутренней службы новобранца легче всего научить практическими испытаніями въ родѣ слѣдующаго: скажите ему, что онъ отправляется въ госпиталь,—сдастъ ли казенныя вещи непосредственному начальнику? А то бываетъ, что на словахъ выучитъ, а какія вещи сдавать—не знаетъ.

Кто прошелъ толковую школу такихъ испытаній, тотъ будетъ знать правила службы несравненно тверже всякаго „словесника“, умѣющаго красно отвѣчать на память цѣлыя страницы.

Такому же испытанію слѣдуетъ подвергать новобранцевъ и при изученіи воинской дисциплины. Подумаешь, какая несообразность—начинать изученіе этого устава шаблоннымъ вопросомъ: „въ чемъ состоитъ воинская дисциплина?“ Между тѣмъ намъ хорошо извѣстно, что такое обученіе еще практикуется въ нѣкоторыхъ частяхъ войскъ и что нѣкоторые гг. „словесники“ даже стоятъ за катехизическую форму изложенія учебниковъ. Мы насилу избавились отъ заученныхъ, бессмысленныхъ отвѣтовъ, а намъ хотятъ предложить постоянную форму вопросовъ, которая, въ свою очередь, непременно будетъ заучиваться шустрými Терентьевыми, большими любителями готовыхъ уставныхъ фразъ. Мы еще вернемся къ этому вопросу, когда будемъ говорить о преподаваніи „словесности“ вообще.

Итакъ, если желаете обучить новобранца воинской дисциплинѣ, то начинайте не съ отвлеченныхъ понятій, а съ на-

глядного показа на практикѣ. Хотите, чтобы онъ усвоилъ вѣжливость по отношенію къ старшему—слѣдите, чтобы на практикѣ онъ давалъ ему дорогу, открывалъ дверь при его проходѣ, подымалъ уроненную имъ вещь и т. д. Хотите научить правильному исполненію приказаній—заставьте взводнаго отдать какое-нибудь приказаніе, а отдѣленнаго—отмѣнить: какъ въ этомъ случаѣ обучаемый поступить?

Вообще только незначительная часть дисциплинарнаго устава, о которой скажемъ ниже, проходитъ въ классѣ; все же остальное переносится на примѣрную практику и усваивается новобранцами чрезвычайно быстро, безъ разстройства нервовъ, безъ ненормальнаго напряженія памяти и вообще безъ пота и безъ вздоховъ.

Вотъ приблизительные приемы практическаго обученія правиламъ службы, уже испытанные во многихъ частяхъ войскъ и принесшіе замѣчательные результаты. Кто испыталъ такое обученіе и видѣлъ, какъ оно легко дается солдату, какъ онъ свѣжъ и бодръ во время такихъ занятій, тотъ никогда уже не вернется къ голой „словесности“, съ ея изнурительными табличками и вопросниками, которые претятъ солдату, внушаютъ ему ложное представленіе о военномъ дѣлѣ, въ которомъ онъ видитъ, вмѣсто живого интереса, какую-то мертвую букву, а главное—эти занятія начинаются днемъ при офицерѣ, а кончаются позднимъ вечеромъ, иногда даже ночью, смотря по тому, когда заблагорасудится шустрому Терентьеву окончить допросъ своему истомленному ученику. Кто не слышалъ при посѣщеніи ночью казармъ, какъ изъ-подъ солдатскихъ одѣялъ слышатся странные переговоры: повторяй за мной: „званіе солдата“.—Званіе солдата.—„Высокое“.—Высокое.—„И почетное“.—И почетное, и т. д.

Итакъ, при подготовкѣ учителей мы считаемъ чрезвы-

чайно важнымъ проведеніе ихъ черезъ школу нагляднаго обученія правиламъ и обязанностямъ службы. Весь процессъ такой подготовки очень простой: изображается внѣшняя обстановка службы, по возможности подходящая къ дѣйствительной; одинъ изъ учителей изображаетъ новобранца, который ставится часовымъ, дневальнымъ, исполнителемъ приказаній и т. д., а остальные учителя (по очереди) рассказываютъ, показываютъ, поправляютъ и подвергаютъ ученика различнымъ испытаніямъ, приучаясь вырабатывать въ немъ бдительность и сметку по отношенію къ исполняемымъ обязанностямъ.

Мы замѣтили и просимъ обратить на это особенное вниманіе, что такія занятія, при разумной ихъ постановкѣ, очень нравятся учителямъ и съ первыхъ же шаговъ ведутъ къ развитію въ нихъ охоты къ обученію, педагогической находчивости, къ стремленію выработать собственные приемы, отличающіеся замѣчательною простотой, а иногда и новизной педагогическаго замысла.

Чтобы покончить съ „словесностью“, скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя проходятъ въ классѣ. Къ этимъ свѣдѣніямъ относятся: молитва Господня; заповѣди; назначеніе солдата и присяга; значеніе знамени; отличія части за военные подвиги; имена особъ Императорской фамиліи и начальства; понятіе о сущности воинской дисциплины; роды дисциплинарныхъ взысканій; награды по службѣ и за успѣхи по стрѣльбѣ; *военно-нравственные примѣры*; „*памятка*“ и т. д.¹⁾ Даже и изъ этихъ свѣдѣній

¹⁾ Часть этихъ свѣдѣній уже признана „новымъ положеніемъ“ излишней для заучиванія. Напримѣръ, нѣтъ никакой надобности заучивать степень власти начальниковъ при наложеніи взысканій, если въ ротѣ есть таблица, по которой можно объ этомъ справиться.

не поддаются показу только молитвы, заповѣди и отвлеченныя понятія; что же касается знамени, отличій, начальствующихъ лицъ, наградъ, предметовъ довольствія и т. д., то всѣ эти предметы могутъ быть показаны, если не въ дѣйствительности, то по крайней мѣрѣ на рисункахъ, и именно съ этого слѣдуетъ начинать обученіе. Для неразвитаго человѣка чрезвычайно важно запомнить форму предмета, внѣшнія его черты; тогда и внутреннее содержаніе запоминается легко, и солдатъ не станетъ смѣшивать своихъ обязанностей по отношенію къ разнымъ предметамъ, ясно представляющимся въ его воображеніи.

Что касается отвлеченныхъ понятій, то уставный порядокъ ихъ изложенія совершенно не годится для солдатской школы. Если, напримѣръ, желаете, чтобы солдатъ усвоилъ понятіе о дисциплинѣ, то, кромѣ показа на практикѣ, о которомъ мы говорили выше, начинайте не съ опредѣленія этого слова, а съ тѣхъ понятныхъ для каждаго простого человѣка обязанностей, которыя дисциплиной налагаются на солдата: дома почиталь отца, здѣсь—начальника; младшій чинъ почитаетъ старшаго; дома былъ правдивымъ по отношенію къ отцу, здѣсь надо быть такимъ же по отношенію къ начальнику, т. е. добросовѣстно нести службу какъ на глазахъ у начальника, такъ и за глазами. Получилъ какое-нибудь приказаніе,—старайся исполнить его, не разсуждая, хорошо ли оно или дурно и можно ли его исполнить. Все это надо сейчасъ же *иллюстрировать примѣрами и небольшими задачами для исполненія*, о которыхъ мы говорили выше. Затѣмъ объяснить, что все, что сейчасъ говорилось и продѣлывалось, предписано военными законами и называется „воинской дисциплиной“. Сумѣетъ ли солдатъ формулировать отвѣтъ на вопросъ: „что такое дисциплина“ или нѣтъ—это неважно; но очень важно, чтобы онъ зналъ

свои обязанности по отношенію къ этому предмету и умѣлъ ихъ исполнять. Если же вы непременно хотите, чтобы солдатъ умѣлъ отвѣчать на общій казенный вопросъ,—переведите тяжелый уставный отвѣтъ на простой разговорный языкъ; требованіе же книжнаго отвѣта мы считаемъ въ высшей степени вреднымъ даже и въ томъ случаѣ, когда каждое слово объясняется. Вообще слѣдуетъ избѣгать обращенія военной школы въ совершенно бесполезную для дѣла говорильню.

Намъ остается еще сказать о подготовкѣ учителей по отношенію къ подготовительнымъ къ стрѣльбѣ упражненіямъ. Требовательные, но малоопытные начальники, никогда не задававшіе себѣ труда прослѣдить весь ходъ обученія новобранцевъ, не допускаютъ даже мысли о возможности вмѣшательства дядекъ въ это дѣло. Однако, если засадить офицера за станокъ, къ которому подводятся по очереди каждый изъ тридцати новобранцевъ, то выйдетъ, что офицеръ только и дѣлаетъ, что занимается, положимъ, наводкой съ одной изъ партій; а въ прочихъ партіяхъ, занимающихся въ это время гимнастикой, фехтованьемъ, ружейными приемами и т. д., предоставляется полный просторъ неумѣнью, грубости и всякимъ другимъ недостаткамъ дядекъ, которые такимъ образомъ вполне ускользаютъ отъ офицерскаго глаза. Поэтому мы думаемъ, что въ подготовкѣ учителей подготовительныя къ стрѣльбѣ упражненія представляютъ чрезвычайно важный отдѣлъ.

Въ чемъ же заключается эта подготовка? Можно ли подготовить изъ нижнихъ чиновъ такихъ учителей стрѣлкового дѣла, за которыми офицеру придется только наблюдать, какъ это дѣлается въ занятіяхъ ружейными приемами, гимнастикой и т. д. Конечно нельзя, потому что въ обученіи стрѣльбѣ

есть высшая воспитательная работа, которая, кроме умѣнья преподавать, требуетъ отъ учителя извѣстнаго развитія и образованія, отвѣчающаго сложности предмета. Вообще въ стрѣлковомъ дѣлѣ есть двѣ стороны: научная, имѣющая въ виду умственное развитіе стрѣлка, и ремесленная или, такъ сказать, техническая, имѣющая въ виду какъ упражненіе физическихъ органовъ, такъ и вообще навыкъ въ порядкѣ производства стрѣльбы. Вотъ эта послѣдняя сторона стрѣлковаго дѣла, къ которой относятся приемы заряжанія, прикладки, умѣнье наводить въ цѣль, спускъ ударника и т. д., должна быть усвоена учителями по возможности артистически. Провѣряя одинъ другого на примѣрномъ обученіи, учителя и въ этомъ дѣлѣ должны пріобрѣсти навыкъ въ разсказѣ, показѣ и поправкѣ. Офицеръ, который съ увѣренностью можетъ и сказать, что подготовленные имъ учителя мастерски умѣютъ провѣрять упражненія на станкѣ (наводку въ цѣль, треугольники), прикладку въ зеркало и т. д., пріобрѣтаетъ огромныя преимущества во времени при завѣдываніи молодыми солдатами. Однако въ этомъ дѣлѣ, какъ и вездѣ, надо принимать въ соображеніе и нравственныя достоинства учителя; умѣнье можетъ быть полезно только при стараніи, а потому довѣрять прикладку можно только тому учителю, котораго нельзя упрекнуть въ небрежности. Небрежная провѣрка прикладки, положимъ, въ зеркало скорѣе приноситъ вредъ, чѣмъ пользу. Этотъ вопросъ, касающійся нравственнаго воспитанія учителей, не входитъ въ программу настоящей замѣтки¹⁾.

Что касается научной стороны стрѣлковаго дѣла, то всякія попытки привлечь учителей къ объясненію новобран-

¹⁾ Нравственное воспитаніе учителей изложено нами въ книгѣ: „О способахъ обученія и воспитанія современнаго солдата“. Томъ I-й и томъ II-й.

цамъ, напримѣръ, причинъ невѣрности выстрѣла или такихъ отвлеченностей, какъ ось канала, линія прицѣливанія, траекторія, настильность и т. д., приводили къ бессмысленному заучиванію на память цѣлыхъ страницъ „Наставленія“, т. е. получалась та голая „словесность“, противъ которой давно уже борются толковые руководители солдатскихъ школъ. Такое научное развитіе, не соответствующее общему умственному уровню простыхъ стрѣлковъ, не требовалось даже старымъ „Наставленіемъ“, а въ новомъ „Наставленіи“ оно уже признается безусловнымъ зломъ; теорія для нижнихъ чиновъ сокращена до минимума, а въ преподаваніи этой теоріи рекомендуется наглядный способъ, который, по нашему мнѣнію, ни въ какомъ случаѣ не долженъ уходить изъ рукъ офицера.

Въ заключеніе мы должны сказать, что въ нѣкоторыхъ благоустроенныхъ школахъ, гдѣ наглядный способъ обученія, можно сказать, уже утвердился, мы замѣтили весьма важный пробѣлъ въ подготовкѣ учителей, а именно: игнорируется этотъ способъ при изученіи ближайшихъ обязанностей учителя по отношенію къ прибывающему въ роту новобранцу.

Кто не знаетъ, что солдатъ иногда отлично перечисляетъ обязанности, но многихъ изъ нихъ не исполняетъ по не привычкѣ. Учителя непременно слѣдуетъ провести черезъ всю процедуру обращенія съ новобранцемъ, прибывающимъ въ роту. Конечно, этого примѣрно продѣлать нельзя, а потому офицеру слѣдуетъ заходить въ роту во время первыхъ прибывокъ, чтобы прослѣдить слѣдующее: куда учитель поведетъ новобранца; укажетъ ли койку; познакомитъ ли съ ротнымъ помѣщеніемъ; укажетъ ли гдѣ отхожее мѣсто, гдѣ можно умыться и покурить; предложитъ ли хлѣба, если ужинъ не скоро будетъ готовъ; позаботится ли, чтобы у новобранца была ложка; заставитъ ли снять полушубокъ, чтобы

новобранецъ не вспотѣлъ; предупредить ли объ осторожности по отношенію къ новой водѣ; не оставить ли новобранца безъ наблюденія и т. д.

Вообще надо помнить, что новобранцы, особенно въ первые дни по прибывкѣ въ роту—настоящіе дѣти, буквально нуждающіяся въ нянькахъ; поэтому выработку умѣнья ухаживать за новобранцемъ мы считаемъ весьма важнымъ дѣломъ въ подготовкѣ учителей.

Представивъ наглядный методъ обученія вообще и преподаванія, такъ называемой, „словесности“, мы однако должны замѣтить, что прививка этого рациональнаго метода въ нашей школѣ не столько зависитъ отъ ближайшихъ ея руководителей, сколько отъ начальствующихъ лицъ, производящихъ экзамены. Излюбленный нѣкоторыми начальниками шаблонный экзаменъ, представляющій постоянную, глубоко укоренившуюся форму казенныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, способенъ подорвать всякую предпримчивость завѣдующаго новобранцами офицера. Готовясь къ такому экзамену, офицеру остается только написать „вопросникъ“ по всѣмъ свѣдѣніямъ, обязательнымъ для каждаго рядового, и, не сходя съ классной скамейки, заставлять новобранцевъ заучивать на память отвѣты, напримѣръ, на слѣдующіе вопросы: „Какія общія обязанности часового?“ „Какія обязанности дневальнаго у воротъ?“ „Какія причины невѣрности выстрѣла?“ и т. д. Такая система, какъ мы уже замѣчали нѣсколько разъ, ведетъ иногда къ замѣчательному развитію памяти въ ущербъ находчивости при исполненіи дѣйствительной службы. Каждый начальникъ можетъ легко убѣдиться, что большинство солдатъ, гладко отвѣчающихъ на привычные вопросы, совершенные неучи въ исполненіи той службы, которую они красиво излагаютъ на словахъ. Попробуйте любого изъ этихъ словесниковъ заста-

вить продѣлать что-нибудь на практикѣ, и онъ тотчасъ же обнаружитъ неловкость, ненаходчивость, спутается въ самыхъ простыхъ вещахъ и на всякій неказенный вопросъ будетъ бессмысленно повторять то, что сейчасъ отвѣчалъ. Вотъ почему не слѣдуетъ приучать солдата къ общимъ вопросамъ, на которые онъ привыкаетъ отвѣчать изложенными въ уставѣ типами обязанностей, совершенно не умѣя примѣнять эти типы къ безконечному разнообразію служебной обстановки.

Въ благоустроенныхъ военныхъ школахъ, отличающихся замѣчательными успѣхами по выработкѣ солдатскаго знанія и искусства, экзаменъ обыкновенно производится слѣдующимъ образомъ: ты стоишь дневальнымъ въ такомъ-то мѣстѣ; приходитъ въ такомъ-то часу постороннее лицо и хочетъ пройти въ роту,—какъ ты распорядишься? Ты стоишь часовымъ на такомъ-то посту; произошелъ такой-то случай,—какъ ты поступишь? Ты идешь по улицѣ и встрѣчаешься съ офицеромъ, который замѣтилъ, что ты не по формѣ одѣтъ,—что ты долженъ сдѣлать? Чтобы экзаменъ вышелъ не отрывочнымъ, экзаменаторъ можетъ имѣть въ рукахъ программу (напримѣръ, изданную для Кіевского военного округа, которая, въ нѣсколько переработанномъ видѣ, вѣроятно будетъ рекомендована всѣмъ войскамъ); но вопросы надо задавать не шаблонные, а непременно нужно подыскивать къ каждому пункту нѣсколько устныхъ задачъ. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ можно изобразить примѣрную служебную обстановку, можно требовать не словеснаго отвѣта, а примѣрнаго исполненія службы на практикѣ. Такимъ способомъ гораздо скорѣе и нагляднѣе провѣряется подготовка молодыхъ, особенно въ смыслѣ развитія въ нихъ служебной находчивости. Мы сами видѣли, какъ испытуемый такимъ способомъ солдатъ, поставленный на часы у воротъ дома, гдѣ живетъ охраняемое лицо, бросилъ постъ и побѣжалъ подать помощь

этому лицу, когда ему грозила опасность. На вопросъ: „какъ ты смѣлъ сойти съ поста?“ солдатъ отвѣчалъ, что его постъ не у воротъ, а у лица, которое ему приказано охранять, и что у воротъ дома онъ поставленъ только для удобства охраны.

Вотъ настоящій, блистательный результатъ осмысленнаго обученія. Такого солдата можно поставить куда угодно: это человѣкъ не только изучившій букву устава, но и проникнувшійся его духомъ. Чего же больше требовать отъ солдатской школы?

Какъ на особый недостатокъ, мѣшающій успѣшнымъ занятіямъ съ солдатомъ, можно еще указать на стремленіе нашихъ педагоговъ перерабатывать родной солдату народный языкъ, выводя изъ употребленія мѣткія народныя выраженія и обороты рѣчи, не свойственные языку литературному. Эта нетерпимость, объясняемая ложно-эстетическимъ вкусомъ, проходитъ черезъ весь строй обученія и отражается нѣкоторой уродливостью въ воспитаніи унтеръ-офицеровъ и дядекъ, которые, щеголяя другъ передъ другомъ, забрасываютъ новобранца, такъ называемыми, „господскими словами“. Такая широкая псевдообразовательная задача, отзывающаяся схоластикой, идетъ въ прямой разрѣзъ съ интересами войсковой школы: ничто такъ не затемняетъ солдатской рѣчи, какъ эта принужденная натянутость, которой, напримѣръ, никогда не встрѣчается у казаковъ, очень толково выражающихся на своемъ природномъ, нетронутомъ языкѣ. Солдатскій языкъ долженъ оставаться языкомъ народнымъ, со включеніемъ въ него весьма немногихъ техническихъ выраженій и оборотовъ, необходимыхъ въ военномъ обиходѣ, причѣмъ люди нерусскаго происхожденія должны подчиняться въ своей обиходной рѣчи этимъ же требованіямъ, иначе имъ придется изучать два языка: простой, на которомъ говорятъ

въ ротѣ, и „господскій“, на которомъ солдаты говорятъ съ начальствомъ. Поправки, одинаково относящіяся ко всякому языку, могутъ быть допускаемы только въ смыслѣ ясности выраженій, которая отлично вырабатывается въ хорошо поставленныхъ школахъ грамотности. Только при такомъ взглядѣ на дѣло мы получимъ вообще солдата, говорящаго невообразимымъ (писарскимъ) языкомъ, и въ частности учителя, не чуждаго новобранцу по языку и по духу.

Теперь для наглядности попытаемся сравнить ходъ обученія новобранцевъ въ двухъ школахъ. Положимъ, въ школѣ № 1-й учителя готовились по методу, отвѣчающему ихъ дѣйствительному ремеслу; въ школѣ № 2-й — такому методу предпочиталось валовое повтореніе „словесности“ и обученіе командамъ и поправкамъ по старинному способу.

Прежде всего замѣчается огромная разница въ положеніи завѣдующаго новобранцами офицера: въ школѣ № 1-й онъ спокойно слѣдитъ за обученіемъ, не отвлекаясь поправкой основныхъ приемовъ, которые вошли учителямъ въ навыкъ и сразу поставили ихъ на твердую почву. Такое положеніе даетъ офицеру полную возможность отнестись со вниманіемъ ко всѣмъ предметамъ, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ въ занятіяхъ, и дополнять свою систему указаніями, отвѣчающими каждому случаю, представляемому практикой, а потому въ школѣ № 1-й не будетъ забыто слѣдующее: 1) разумное распредѣленіе времени; 2) правильное чередованіе физическаго и умственнаго труда; 3) гигиеническія условія занятій; 4) строгая послѣдовательность въ упражненіяхъ; 5) своевременная помощь каждому изъ учителей, которые, несмотря на свою прекрасную подготовку, могутъ натолкнуться на случайность, трудно для нихъ разрѣшимую, и т. д.

Очевидно, что эти важнѣйшіе предметы непременно будутъ ускользать отъ наблюденія офицера, завѣдующаго шко-

лою № 2, гдѣ учителя не имѣютъ навыка въ главнѣйшихъ приемахъ обученія и гдѣ установка этого навыка поглощаетъ все вниманіе офицера.

Приведенное сравненіе характеризуетъ общее положеніе двухъ школъ съ различными методами подготовки учителей. А вотъ примѣръ, рисующій ходъ обученія въ частности: положимъ, въ обѣихъ школахъ проходятъ одно изъ самыхъ простыхъ упражненій—пріемъ „отъ ноги на плечо“¹⁾ сейчасъ увидимъ, какъ оно быстро и легко заучивается въ школѣ № 1-й и съ какими сопряжено мученіями, не только физическими, но и нравственными въ школѣ № 2-й.

Зайдя въ школу № 1-й, вы прежде всего получаете общее впечатлѣніе удачи, выражающейся въ веселыхъ лицахъ учителей и новобранцевъ, между которыми замѣтны самыя добродушныя отношенія. Одного новобранца обучаютъ приему „на плечо“, а другіе слѣдятъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Такое вниманіе возможно только тогда, когда обученіе идетъ гладко и не сопровождается непрерывными выговорами, т. е. когда въ дядьѣ выработано терпѣніе и не грубыя манеры; въ противномъ случаѣ новобранцы становятся вялыми, нервно разстроенными и неувѣренными въ своихъ способностяхъ.

— Вотъ я подбрасываю ружье правой рукой, говоритъ учитель, и правой же подхватываю его за это мѣсто, а лѣвою въ то же время противъ плеча. Лѣвой—просто обхватываю пальцами, а вотъ правой надо умѣючи: гляди, какъ пальцы приходятся...

Новобранцы внимательно вглядываются въ положеніе пальцевъ учителя, который въ это время называетъ тѣ части ружья, на которыхъ приходятся пальцы. Продолжая держать

¹⁾ Хотя этотъ пріемъ отмѣненъ, но мы не находимъ нужнымъ приводить другой примѣръ. Дѣло не въ пріемѣ, а въ методѣ, который типично сказывается въ этомъ старомъ примѣрѣ.

на виду ружье, обхваченное правой рукой, учитель предлагаетъ новобранцамъ самимъ половчиться обхватывать, а потомъ поодиночкѣ ихъ провѣряетъ. Затѣмъ производится вольная практика вскидыванія ружья и одиночная провѣрка этого упражненія съ поправкой обѣихъ рукъ. Потомъ учитель продолжаетъ:

— Теперь взбрасывать умѣете; надо еще постараться, чтобы стволъ приходился какъ разъ противъ плечевого сустава и чтобы все ружье было по отвѣсу, все равно, какъ гири виситъ на веревкѣ.

Показавъ на себѣ различныя неправильности ружья, учитель удостоверяется, понимаютъ ли новобранцы, что значить „отвѣсъ“. Опять новая практика и провѣрка поодиночкѣ. вмѣсто выраженія „отвѣсъ“ можно употребить выраженіе „прямо“: такъ новобранецъ скорѣе пойметъ.

— Теперь, продолжаетъ учитель,—гляди, какъ у меня лѣвая рука убѣжитъ на свое мѣсто и т. д.

Прежде чѣмъ заставлять дѣлать пріемъ по командѣ (по раздѣленіямъ), учитель объясняетъ:

— Это пріемъ „на плечо“: онъ назначается для отданія чести.

Хотя уставъ рекомендуетъ сначала показать держаніе ружья „на плечо“, а потомъ уже обучать этому приему отъ ноги, но для искуснаго учителя не представляетъ никакой трудности соединеніе этихъ двухъ упражненій.

Опытъ показалъ, что при подобномъ способѣ преподаванія приведенный пріемъ заучивается новобранцами очень скоро. Конечно, при переходѣ къ слѣдующимъ упражненіямъ требуется отъ времени до времени легкое повтореніе пройденнаго, которое производится быстро, потому что такая провѣрка всегда дѣлается въ шеренгахъ.

Теперь посмотримъ обученіе этому же приему при дру-

гомъ методѣ подготовки учителей, практикующемся въ школѣ № 2-й. Вы еще не вошли въ помещеніе, какъ уже слышите какую-то общую суету, которая для человѣка сколько-нибудь опытнаго служитъ яснымъ признакомъ неудачи въ занятіяхъ. Слышатся раздражительные голоса дядекъ и нервныя замѣчанія офицера, который на каждомъ шагу наталкивается на неисполненіе азбучныхъ приемовъ.

Входите въ роту и сразу видите совершенно другую картину: въ школѣ № 1-й — совершенно спокойныя и даже веселыя лица новобранцевъ и учителей; здѣсь — новобранцы стоятъ съ уныло опущенными головами, и что-то въ родѣ безнадежности свѣтится въ ихъ безпокойныхъ глазахъ; тамъ — ласковый привѣтливый тонъ, сообщающій пріятность занятіямъ; здѣсь — выговоры, непрерывно идущіе отъ офицера къ дядькамъ и отъ дядекъ къ ученикамъ, которые потѣютъ и вздыхаютъ отъ физическаго и нравственнаго гнета. Вообще, въ школѣ № 2-й чувствуется что-то рѣзкое, непріятное, способное разстроить нервы даже постороннему присутствующему на занятіяхъ человѣку. Каково же новобранцу, скромному, старательному и до крайности чувствительному ко всякой мелочи, выносить на своихъ плечахъ такую школу?

Если вы человѣкъ сколько-нибудь опытный, то вы сейчасъ же замѣтите, что причина всей этой неудачи въ занятіяхъ заключается въ полномъ отсутствіи преподавательскаго навыка у дядекъ, которыхъ почти не обучали ихъ дѣйствительному ремеслу. Для сравненія со школой № 1-й возьмемъ тотъ же, нынѣ отмѣненный приемъ „на плечо“. Теперь и въ слабо-устроенныхъ школахъ учатъ поодиночкѣ; за этой азбукой строго слѣдятъ даже отсталые начальники, но методъ обученія нисколько отъ этого не мѣняется: въ школѣ № 2-й учитель непремѣнно начнетъ такъ:

— Слушай! сейчасъ буду объяснять „отъ ноги на плечо“:

это дѣлается въ два приема, по счету: „разъ, два!“ Первый приемъ — „разъ“ — „выкидываешь ружье правой рукой“ и т. д. — выкладывается папзусть цѣлая страница изъ устава. Бѣглымъ показомъ дополняется объясненіе приема.

— Слышалъ, что-ль?

— Такъ точно, отвѣчаетъ новобранецъ.

— Ну, теперь слушай команду: „на плечо!“

Новобранецъ дѣлаетъ первое движеніе всемъ корпусомъ, неловко дергаетъ ружье, но приема не исполняетъ: онъ ничего не понялъ изъ того, что ему рассказывали, а изъ показа у него запечатлѣлась только ловкость учителя, но и это впечатлѣніе было ослаблено ожиданіемъ выговора.

— Что-жъ ты не дѣлаешь? аль тебя просить надо? Ну, дѣлай, что-ль? раздражительно подступаетъ учитель къ новобранцу.

— Зачѣмъ ты его дергаешь? слышится голосъ офицера. — Сколько разъ было приказано, чтобы рукамъ воли не давать! Я наконецъ подъ арестъ сажать васъ буду!

Учитель тихонько ворчитъ, обвиняя новобранца въ полученномъ замѣчаніи, общаетъ возмездіе за его лѣность и снова читаетъ параграфъ устава, относящійся къ приему.

— Ты опять все словами? снова замѣчаетъ офицеръ. — Надо вмѣстѣ объяснять и показывать... Что, я тебѣ сто разъ буду повторять одно и то же!

Учитель рассказываетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ приемъ, но опять дѣлаетъ такъ скоро, что новобранецъ ничего не можетъ уловить, да если бы и правильно показалъ, то уже новобранецъ такъ разстроенъ выговорами, что все равно ничего не пойметъ. Опять слѣдуетъ команда: „на плечо!“ Измученный новобранецъ, которому въ суматохѣ забыли дать оправиться, нервно подбрасываетъ ружье и роняетъ его на полъ.

— Что это за безобразіе! кричитъ офицеръ: — вы ружья перепортите!

Учитель опять шепчетъ выговоръ новобранцу, общаетъ ему отомстить за всё полученныя замѣчанія и т. д. Конецъ этой сцены еще далекъ: онъ разыграется вечеромъ, а можетъ быть даже и ночью, когда учитель останется вдвоемъ съ новобранцемъ, безъ наблюденія начальника.

Конечно, такая школа представляетъ крайность. Здѣсь соединены всё недостатки учителя: грубый тонъ обращенія; полное неумѣніе подойти къ новобранцу; неумѣніе рассказывать простымъ языкомъ; отсутствіе наглядныхъ приемовъ; ложное понятіе о строгости; раздражительный и нетерпѣливый характеръ учителя; слабое развитіе его ума и т. д.; но достаточно и нѣсколькихъ такихъ недостатковъ, чтобы забить новобранца, изнурить его и нравственно, и физически, т. е. сдѣлать изъ него недоученнаго, малоспособнаго и болѣзненнаго воина.

Намъ кажется, что этихъ сравненій достаточно, чтобы признать настоящую необходимость не только правильнаго выбора, но и правильной подготовки учителей, тѣмъ болѣе, что раціональный методъ спеціальныхъ занятій съ учителями достаточно уже опредѣлился и легко можетъ быть наблюдаемъ въ тѣхъ частяхъ войскъ, гдѣ новобранцы мало болѣютъ и успѣшно выучиваются.

Судья П. К. К. У.
Въ Новгородѣ
1912 г.